

ФЕДОР ЧИРСКОВ

Я лег в постель, хотя было только половина десятого, чтобы заснуть, все забыть и проснуться опять в стройном, тысячу раз блаженном состоянии взаимопонимания с окружающим миром. Как я был напуган тем, что творилось во мне, как ужасна мне показалась мысль, что этот новый "я" так и останется вместо меня прежнего! Нужно любой ценой вернуться в самого себя, стать единым. На карту поставлена вся жизнь. Немного успокаиваясь, я говорил себе: "Еще несколько месяцев, и все станет на место", но тут же с отчаянием думал: "а если год, а, может быть, и дольше, а если это на всю жизнь?"

Так я мерзнул под одеялом и ошеломленно смотрел на стену, на которой брезжил отсвет от окна, потому что в середине мая в Ленинграде — время белых ночей. Проснулся я с тем же чувством, с которым уснул и которое не оставляло меня во сне. Есть выражение, которое хорошо передает мое самочувствие, — я был "не в себе". И я тщетно молил невесть кого вернуть мне самого себя, потому что в своем нынешнем состоянии я был противен себе, был чужим и, самое страшное, — ужасающе равнодушным. Может показаться странным, что человек тоскует и мучается и остается при этом равнодушным, но я чувствовал себя именно так.

В оделся в полузабытьи. Передо мной была комната, продавленный диван, стол, придвинутый к подоконнику, растение на окне и начавшие зеленеть деревья среди газо-

нов через дорогу. Я сидел на кровати, которая служила мне около десяти лет. Я уже надел один носок на ногу, а второй, темнокрасный, бесформенно лежал на ковре. И все это, на что я мог еще десять лет не обращать внимания, так это было мне привычно, все это было для меня чужим. Я не видел в окне ничего знакомого, я не мог остановить взгляд ни на чем, что было бы родным мне и добрым. Все было чуждо и зло.

Если Кирилла разбудил свет и собственные мысли, то его мать проснулась от бряцания листов кровельного железа во дворе. В комнате была открыта форточка, и поэтому скрежет за окном отзывался в ней особенно резко. Упираясь локтем в мягкость дивана, она приподнялась на мерцающей в темноте смятой постели и глотнула воды из чашки. Ей хотелось уснуть, и она чувствовала себя разбитой. Она легла на правый бок лицом к стене— это положение было самым удобным, положила на ухо маленькую кружевную подушку и приготовилась заснуть. Все же еще около часа она лежала с закрытыми глазами, но забыться ей мешало какое-то внутреннее оживление, несмотря на то, что за ночь бессоницы она очень устала. Потом она сбросила с себя бремя неподвижного существования в согревающей постели, провела рукой под глазами и не стала заглядывать в зеркало. На кухне она поставила на огонь чайник и пошла в комнату к Кириллу, чтобы посмотреть, что за погода на улице. Он сидел, закинув обутую ногу на босую, и, как ей показалось, в большой задумчивости смотрел в сторону окна. Она порадовалась тому, что он легко встал так рано, а также тому, что солнце светило прямо в окно, и утро было чистым, хотя немного ветренным. Он посмотрел на

нее так, словно хотел спросить о чем-то, очень пристально, но ничего не сказал, а замер, держа в воздухе второй носок. Уходя из комнаты, она отметила, что он чем-то огорчен и словно что-то не может вспомнить.

х х х
х

Кирилл бесцельно оглядывался, проходя по просторной парадной, наги в которой слегка звенели об мелкий коричневый кафель и которая вывела его на Мойку. Поневоле он осваивался в чужом мире, в котором только что оказался, и внутренне не узнавал знакомых узких лестниц, меловых стен, дверей, словно у него отказала память, и его просто пугало отсутствие тех ощущений, с которыми он жил еще недавно, которые он просто не замечал, потому что они были его неотъемлемой собственностью и о возвращении которых он просил сейчас провидение. Он стоял теперь перед необходимостью как-то жить, что-то делать и сомневался, способен ли он теперь вести свою обычную жизнь: шутить, не говорить глупостей, сдавать экзамены, любить кого-нибудь. Театральный мостик был заполнен двумя громоздкими автобусами и грузовиком, и обычные деловые люди спешили к нему, наражаясь от автомобилей. Ветер поднимал мелкую пыль и где-то вверху на крыше дома жестко и грубо громыхало. Тогда ему пришла в голову мысль, что возможно не только он, но и все вокруг переменялось со вчерашнего вечера.

Сутулясь, он пошел мимо тяжелых колонн с разрушившейся внизу штукатуркой и оглянулся, не идет ли сорок седьмой. Позже он искоса поглядывал на людей, беспорядочно стоявших на автобусной остановке, и глаза у него зажига-

лись любопытством: "ну что, заметили, что я совсем не такой, как вы?". Однако по мере того, как он оставался в обстановке людной улицы под открытым голубоватым небом, его невольно перестала занимать собственная катастрофа, и все громче звучали в голове чужие звуки, интонации голосов знакомых, их мысли, на которые он сочинял про себя ответы. Последним в очереди он вошел в автобус, тщето ища поручни, прижатый спиной пожилой женщины. Пятнадцать минут он провел в смутном раздражении против человека с заросшей шеей, одетого в грубошерстный пиджак, и в страхе перед сумкой, из которой резко и неприятно пахло рыбой. Оглядев в окно знакомые подьезды Невского проспекта, упираясь локтями в спины своих соседей, Кирилл выбрался на тротуар Университетской набережной. Когда через пять минут он попытался вспомнить обстоятельства поездки, то не смог этого сделать — эти мгновения его жизни умчались и не оставили в памяти следа, с тем, быть может, чтобы потом вернуться неожиданно, в преувеличенной яркости или исчезнуть навсегда. Он открыл двойные двери факультета и вошел. Не то, чтобы он не любил приезжать сюда, скорее наоборот, это хорошо занимало обычно, но теперь прежняя жизнь дугала его и вызывала чувство неуверенности. Обычно ему бывало приятно здесь хотя бы потому, что он оказывался среди людей, лично, может быть, и незнакомых, но внушавших симпатию том, что видишь их в течение двух последних лет. Быть среди этих людей, деловито или развязно спующих по лестницам, было удовольствием и действовало возбуждающе. Но сейчас он неожиданно для себя почувствовал, что окружающие его люди испытывают к нему резкое и ничем не оправданное чувство враждебности. Ста-

раясь сохранить внешнюю невозмутимость, он поднимался по лестнице, помахал издали двум знакомым, ошеломленный общей неприязнью, и состояние тревожного подъема перешло в ощущение кровной обиды и желание нанести ответное оскорбление. Он сел на скамью и закурил, хотя никогда не получал удовольствия от сигарет и не умел как следует затягиваться. На занятие он опоздал, ему не с кем было поговорить, и он поманил к себе кошку, неслышными шагами сбегавшую вниз по лестнице. Кошка ожидала потомства, и к обычной озабоченности, с которой она пересекала коридор из кабинета советской литературы в женский туалет, прибавился теперь материнский страх. Она кротко, но без доверия взглянула на Кирилла и продолжила свой осторожный бег. Когда она скрылась, он отчетливо увидел, что она бежит вниз, по свежепокрашенному коридору направо, к буфету, мимо пустого молочного бака под стол и влезает в корзину. Она жалобно мяукает, и буфетчица, не рассчитавшись еще с пожилой преподавательницей /"Я беру салат, сметану, чай и булочку, всего сорок восемь копеек"/, покидает прилавок и вытряхивает кошку из корзины. Мяукая, кошка бежит прочь и скрывается в разбитом окне котельной. Кирилл различил ^{это} достаточно ясно, чтобы не усомниться в реальности виденного. Сам того не замечая, он приобрел способность присутствовать мысленно разом в нескольких местах, вернее, улавливать чувства знакомых ему людей на расстоянии. И это стало так его занимать, что реальность дымящего коридора, увешанного стенгазетами и объявлениями, девушка у стены, пытавшаяся найти номерок в гардероб, светящиеся трубки ламп, — все это потеряло всякий интерес и не

могло обещать ничего достойного внимания.

Кириллу было уже знакомо неприятное чувство студентов старших курсов, наблюдающих, как коридоры факультета заполняются толпами незнакомых, а поэтому и малосимпатичных людей, с особой, еще непривычной деловитостью стучавших об пол каблуками, устремляясь вместе с переполненными портфелями к буфету, где надо проглотить кусок и мчаться во двор через вчерашние лужи, бежать в подвальные аудитории, которые называют катакомбами. А старшекурсник, хранящий в памяти времена, когда количество знакомых в коридоре было большим и казалось неизменным, садится на скамью из тяжелого дерева и, всеми забытый, ждет появления знакомого лица. Но знакомые собираются только по средам, что делает вечерние занятия ожидаемым удовольствием, и тогда все бывает разговорчивым и остроумным, а девушки все легко понимают и бывают внимательны к тому, что им говорят. Именно здесь возникают интересные разговоры и выносятся оценки книгам, знакомым писателям, женщинам, всему, что интересует молодых людей, главным своим занятием считающих чтение.

По лестнице медленно поднялась девушка, поправляя прическу и оглядываясь. Она откинула назад волосы и сказала себе, что прежде чем закурить, надо пройти по коридору и увидеть кого-нибудь из знакомых, а, может быть, и незнакомых. В дверях она встретила с пожилой преподавательницей, которая несла тяжелый ученический портфель, и волосы ее были редкими и коротко остриженными. Кирилл стряхнул пепел с сигареты на кафельный пол и подпер голову руками. Его удивляло то, что в этот час на факультете слишком мало народу,

и он понял, что все сейчас сгрудились в коридоре и говорят о нем почти хором, но так тихо, что он их не слышит. Или, может быть, уже поговорили и разошлись, и, если он быстро выйдет в коридор, то никого не застанет. Но он и не собирался заниматься выслеживанием и устраивать скандалы и скрывал свою обиду, хотя очевидная несправедливость слухов, сплетен и обвинений сокрушала его. Он встал и спустился в вестибюль. Люди, говорившие о нем, буквально в последний момент скрывались за поворотом, и он видел только их спины. В этом не было ничего удивительного: если он мог чувствовать их присутствие на расстоянии, то и они ощущали его приближение. Он находился в горестной подавленности и как бы бросал тень своей подавленности на окружающих. Со вчерашнего дня он утратил обычные, размеренные жизненные ощущения и все воспринимал как смятение, порыв. Он стал размышлять, почему же люди столь неудачливы, и решил, что это объясняется просто их большим количеством. Если раньше человек мог строить планы и питать какие-то надежды, то вокруг было достаточно свободного пространства, чтобы он мог их осуществить. Теперь же, когда людей стало слишком много и они начали собираться в огромные толпы, планы и надежды каждого из них не имеют достаточного воздуха, свободного пространства, чтобы осуществиться, намерения разных людей перекрещиваются и мешают друг другу и остаются поэтому без удовлетворения. Размышляя так, Кирилл взбирался по выбитой каменной лестнице и издали увидел Саму. Он довольно улыбнулся и подошел.

День сложился для Сами неудачно, хотя никаких оснований для дурного настроения с утра не было. Бледные сосиски,

которые будут ему нравиться до тех пор, пока он не возьмет
обыкновения, обедать в "Астории" или не женится на хозяйствен-
ной и очаровательной девушке, а также горчица, намазанная
на хлеб, как масло, светло-серый кофе примирили его с жи-
зью до обеда, который должен состояться через полчаса в
сводчатой, как бомбоубежище, столовой. Тем не менее рассе-
янное недовольство собой было, и было ощущение того, что
настоящая жизнь минует его, кружась в таинственном карна-
вале. Разумеется, его представления об этой жизни далеко
не были столь уж примитивны, для этого он был слишком умен.
И он отчетливо представлял себе, чего ему не хватает для
того, чтобы признать свою жизнь полной и удовлетвориться
ей. Самостоятельность — этого, пожалуй, ему не хватало боль-
ше всего, хотя он никому бы не пожаловался на это вслух. Как
и большинство людей, которых он знал, Саша принес в универ-
ситет вдохновляющие впечатления от прочитанных книг, одино-
кие, никому не высказанные размышления о самых больших
проявлениях духовной энергии и жизненной силы, которые он уви-
дел в литературе, и либо дерзкое и пьянящее ощущение соб-
ственной причастности к этой жизни, которую тогда считал
единственной, либо тоскливое ощущение собственной слабости
и бессилия. В университете ему долго не давалось искусство
бойкой литературной беседы в перемену с неприличными анек-
дотами, которое вскоре расцвело у его знакомых однокурсни-
ков, и ему тогда казалось, что у многих существуют более
определенные и самостоятельные критерии в вещах, в которых
он про себя разбирался, а вслух высказать мог только в самой
общей форме. Он много читал и то, что казалось ему значи-
тельным, мелким почерком записывал сначала на отдельных
листочках бумаги, а потом в записную книжку. Но все, что ему

нравилось, было так не похоже одно на другое, и всякое новое увлечение так противоречило предыдущему, что он невольно искал опоры в чем-то внешнем и определенном и часто противоречил сам себе. Были и другие вещи, которые помогли бы его честолюбию успокоиться — остроумие, ораторские способности, успех у женщин.

Таковы были возможные причины дурного настроения, но день сложился неудачно не поэтому, а потому, что все валилось у него из рук сегодня. Сначала он переспал с утра, и это вызвало какую-то тягость в крови, потом поехал в библиотеку и, конечно, пришел во время перерыва, потом сел читать Экзюпери и все не мог сосредоточиться. Он стал ругать себя за то, что Экзюпери сегодня вызывает в нем чувство утомления, примиренно улыбнулся, отодвигая стул и боком пробираясь к выходу из читального зала, воздух в котором был тяжел и влажен, как ночью в спальном вагоне дальнего следования. В такие дни он был так мучительно неуверен в себе, что если бы кто-нибудь захотел его оскорбить, то у него этого не получилось бы, потому что не было сейчас такого обвинения, с которым Сана тотчас не согласился бы. Он поздоровался без улыбки и с утомлением на лице. Кириши это уязвленно отметил и стал напряженно искать у Сана на лице выражения если не дружеского, то по крайней мере терпимого. Дело осложнилось тем, что Кириши слышал не только то, что говорил Сана, но и то, что было у него на уме и, может быть, кое-что еще. От всего этого у него в голове поднялся такой шум, полный шепота, хохота, визга и крика, что Кириши остро захотел немедленно встать и куда-то уйти

прочь, но уходить было некуда. Он говорил:

- Вот у египтян был бог-рыба или еще какая-нибудь живность, и жили они без больших неприятностей тысячу лет. На таких отрезках времени можно говорить об истории. Мне определенно не хватает рыбы или птички ибиса.

- Однажды, так сказать, в студеную, зимнюю пору я из лесу вышел...

- В том-то и дело, что эта птичка нам не подходит. Мы все должны анализировать, разделять на части.

- Это верно, разделить и тотчас приспособить к этому делу маховицок, схитрить, а потом- глядишь, - и пользу для общества извлечь.

- Ну и насмешил!

- А где она, польза, где вред?

- Был сильный мороз?

- Лошадка, везущая хворосту воз? Откуда дровишки?

- Ну, электричество, например... Повтори, повтори, сейчас же повтори.

- Я из лесу вышел?

- Выйти-то вышел, как войдешь?

- Обеспамятел?

- Отец, слышишь?

Издалека:

- Рубят.

- А я? А ты- дурак, понял или нет, понял или нет?

Все это звучало в голове сразу, вперемежку. Сама говорил о той жизни, которая существовала вне его и в которой он все не мог приобщиться. Он не знал, что есть одна ма-

ленькая, мучительная и тайная жизнь— его собственная, остальное принято на веру. Но, быть может, он был совершенно прав, потому что без боьших, искрящихся страстей у него не было бы ощущения правомерности и ясности той жизни, которой живут люди, с которыми он успел столкнуться на пыльных тротуарах, в магазинах, между двумя очередями, на неживых площадях, в темных залах кинотеатров или которым он просто помахал рукой вслед уносящемуся поезду. Без спокойной уверенности в том, что такая жизнь существует, легко потерять ориентиры и впасть, может быть, в неоправданное отчаяние, если ты неудовлетворен собственной жизнью. Именно так себя чувствовал Кирилл сейчас, после разговора с Сашей, когда он ясно понял, что все ощущения сегодняшнего дня— и пробуждение в чужом, грубом мире, восприятие которого сейчас немного притупилось, но все же продолжало оставаться недоуменным, и хаос из голосов, звуков в голове, и всеобщая враждебность, объяснения которой не найти,— все это не было исключением из правила, и окружающие превратились вдруг из счастливцев и удачников, какими они казались Кириллу после его катастрофы, в людей, едва влачащих бремя несчастливой жизни.

Они сидели вдвоем на тяжелой скамье, и желтоватые клубы дыма, кружась и растворяясь в воздухе, плыли к потолку. Оба чувствовали усталое удовлетворение от откровенной беседы, в которой каждый обнажил свою обеспокоенную сущность. Жизнь факультета с постоянными приливами и отливами снующей по лестнице толпы была теперь только оболочкой, за которой скрывалась более или менее спокойная, более или ме-

нее мучительная для кого-то или однообразная жизнь отдельных людей. Потом они встали и разошлись, улыбнувшись друг другу слабо и понимающе. Кирилл отправился в читальный зал с неуверенным желанием почитать и отвлечься, но по своему обыкновению увидел мысленным взором Сашу, встретившего в дверях их общего знакомого. Они стали говорить о нем, как о человеке невероятных способностей и невероятного злодейства. Кирилл решил не подавать голоса с тем, чтобы скрыть свое присутствие при разговоре. Но он чувствовал, что к нему они непреодолимо враждебны, и его постигло разочарование в друзьях.

х х х
х

Вечером я оказался в компании, где выпил из градевого стакана с отколотым краем довольно много водки и возвратился домой, ставя ноги в ватную пустоту и два раза чуть не упав. То ли выпитая водка привела мою голову в такое возбуждение, то ли это болезнь, чернеющая за спиной, но в эту ночь я совершил открытие, которое, конечно, будет подвергнуто сомнению за отсутствием доказательств, но которое логически вытекает из всех моих ощущений, мыслей и недоумений. Началось все с того, что во мне открылось какое-то новое чувство, которое можно назвать внутренним видением. Сопровождалось это мучительным взрывом, который все изменил внутри меня и сделал либо больным, либо ясновидцем. Увы, я стою как раз перед таким выбором.. Трудно сказать, какой из случаев неприятнее, да и цели я в жизни преследовал не такие. От болезни я, конечно, не застрахован, но вот ясно-

видец— что может быть отвратительнее и ненормальней? Но видит Бог, я буду нести это ярмо с подобающей скромностью.

Все спали, когда Кирилл вступил в серые сумерки коридора и, не избежав резкого скрипа, на цыпочках пробрался в свою комнату. Он хотел поскорей в постели продолжить те ошеломляющие опыты, которые он столь удачно поставил сегодня днем. Опыты состояли в том, что Кирилл в большой сосредоточенности сидел в ванной и мысленно принимал участие в разговоре, который вели его знакомые, собравшиеся без него /его стали избегать/ и в котором обсуждали его личность и поведение. Тогда он сумел высмеять своих недоброжелателей, более того, поверг их в страх, когда каждый из них услышал про себя его голос и вынужден был мысленно отвечать ему. Кирилл теперь уже точно знал, что думают люди не то, что говорят, и ему удалось не только мысленно беседовать с ними, но и добиться того, чтобы они были искренни. Разумеется, все они были этим поражены, но каждый ничего не сказал другому и оставил в тайне те мысли и суждения, которые он доверил Кириллу.

Он беспорядочно разделся и скользнул в постель. Он чувствовал вдохновение и, прижавшись щекой к гладкой холодной подушке, вызвал в себе воспоминания о местах, где он побывал когда-то и которые продолжали хранить приметы, по которым можно узнать детство. Он оказался над морем, на скалистом обрыве Карадага, который притягивал его к краю, чуть дальше, еще на полшага, и сначала просто поскользнуться, присесть на четвереньки и попытаться подняться, упираясь в шею руками, а когда руки не найдут опоры, мучи-

тельно распрямиться и вытянуть их уже безнадежно и, окончательно потеряв равновесие, мчаться вниз с одного уступа на другой, головой об лаву, руками — за стебли травы, грудью — на ложбину и уже оттуда разлететься в темносинее непрозрачное море, которое ждет внизу и скалит белые зубы прибоем.

Он мысленно проследил этот путь, но сам остался на краю обрыва и еще раз увидел то, что видел пятнадцать лет назад: щебенку под ногами, кусты ежевики, не боящиеся расти на крутом склоне, ложбинку, легко скользящую к вертикальному обрыву тем же путем, какими льются потоки желтой воды во время ливня, увидел ровные и частые потемнения волн на полукруглом горизонте, занятом морем, у берега мутным и ^{бес}спокойным, а дальше серо-синим и покрытым рябью, во всей ширине, на которой нет места человеку. Он стоял здесь пятнадцать лет назад, но сейчас понял, что сила этих впечатлений состоит в том, что вся жизнь — это двусторонний обмен чувств, когда обе стороны одинаково рады жизни и любят друг друга, как части одного целого. Он подумал, что и пережитое в детстве — обмен общей радостью жизни между ним и деревьями, колючими листьями, мхом, расцветшим на каменной плите, бактериями воздуха и моря, всем живущим вокруг него. А если такой час настал, то теперь он может вернуться в любое воспоминание своей жизни и пережить все вновь благодаря этому счастливому и фантастическому свойству — возвращать те ощущения, которые были в тебе когда-то или возникают в любом другом существе, конечно, только в том случае, если оно ощутит ответные устремления к чувствам Кирилла. Он был так

возбужден, что в поле зрения у него стали проскальзывать белые искорки, и вся комната, казалось, наполнилась электричеством, которое он источал. Ночь за окном была полна напряжения и, казалось, фосфоресцировала. Кирилл понял, что никто не спит сейчас в этой квартире, и все мысленно присутствует здесь, сознавая все значение нынешней ночи, и видит все происходящее глазами Кирилла. Море в ненастье исказило свои очертания, стало распыляться и исчезать. Кирилл со внезапной ясностью подумал, что надо ценой огромного напряжения, конечно, устремить свой внутренний мир за пределы Земли в поисках другой жизни, ответного чувства ее радости. И он сосредоточился. Еще в поле зрения у него блуждали какие-то темнобурные долосы, которые он с усилием преодолевал своим внутренним взором, а уже сознание его исполнилось трепетом и он понял, что видит то, чего не удавалось еще видеть никому другому.

Сначала это была просто волна успокоения, словно его хотели утешить. Он пытался понять, где в пространстве находится предмет его связи, потому что, что же это такое за ощущение ^{наполненности} ~~немажноземности~~ которое пришло к нему вместе с красными и голубыми искорками, вспыхнувшими во тьме? Потом, как в фонтане с цветной подсветкой, начались всплески голубых, красных, черных струй или взмахи цветных опахал, огоньки, которые постепенно осветили контуры этого существа, которое в своем свечении напоминало густо усаженный экзотический цветник. Эта "клуба" имела довольно широкое основание, состоящее из тысяч мягчайших волокнистых рецепторов, которыми она могла касаться интересующих ее предметов. Тело ее состояло как бы из нескольких ярусов, широких внизу и

сужающихся кверху, и на каждом из ярусов вспыхивали фосфоресцирующие небольшие шупальцы, которыми она колыхала, как колышит морская волна водоросли. Вскоре Кирилл понял, что своим цвечением она призывает самца, который вскоре и появился. Это было гораздо менее привлекательное существо, напоминающее осьминога. Тело его было покрыто бурой, со светлыми украшающими рисунками, кожей. У него было гораздо меньше шупальцев, чем у самки, но зато они были гораздо сильнее и длиннее. Кроме того, впереди у него между шупальцами колыхались белесые волокна, удивительно напоминающие бороду. Так же, как и у самки, у него было круглое широкое основание, которым он присасывался к твердым предметам. По колыханию его бороды Кирилл понял, что он требует внимания самки к себе. В возбуждении раскинув шупальцы по сторонам, самец взвился выше, а самка повернулась своим основанием к самцу, они соединились и волокнистые их рецепторы перешлепнулись.

Простыня на постели Кирилла сбилась в комок, он сидел, подложив под локоть подушку и дихорадочно размышлял о том, как заявить о себе этим существам, как объяснить им свое вмешательство. Теперь его сознание было возбуждено так основательно, что никакой сон, даже если он и придет сегодня ночью, не остановит поток его видений и мыслей. Кирилл заснул на четыре часа, а когда проснулся, понял, что и самец и самка знают, что их существование обнаружено на Земле. Еще не проснувшись он уловил ощущение враждебности к себе со стороны самца, а также и то, что самка пытается смирить его гнев. Было восемь часов утра, за окном отчаянно чир-

ками воробьи и с натужным сопением проезжала поливальная машина. Смятая постель сбилась в комок, и похудевший Кирилл еще лежал на растерзанной кровати, сосредоточившись и боясь, что его связь с космосом прервется и не зная, как одеться и умыться, не отвлекаясь. Теперь он понимал, что размеры "цветов" были гораздо большими, чем ему показалось вначале. Возможно, они были выше человеческого роста, не говоря уже о ширине. Тогда он понял, что суть организации этих существ состоит в том, что они обмениваются чувствами и образами между собой и только так и могут влиять друг на друга и на окружающий мир. Короче говоря, они обладали свойствами, которые еще позавчера казались Кириллу невероятными, и которыми теперь обладал он сам. По изобретности чувственной организации они, безусловно, обогнали людей, они свободно обменивались желаниями, зрительными представлениями, отлично понимали мельчайшие оттенки во внутренней жизни Кирилла. Самка отнеслась к нему настолько благосклонно, что передала ему несколько изображений, когда он мысленно просил ее об этом. Обмен мыслями у них шел, как ни странно, бессловесно. Они отлично понимали друг друга, просто воображая себе предмет, который их интересовал. Вскоре Кирилл узнал, что живут "цветы" в полукруглой среде, оболочка которой представляет собой полукруглое непрозрачное, изолированное тело, которое они сами для себя выращивают. Могущество "цветов" состоит не в способности своими руками приспособливать неживые предметы, а в изобретенном умении выращивать для себя органические тела, которые им бывают необходимы.

В это утро Кирилл уже не находился ни в смятении, ни в

недоумении, теперь единственное, чего он боялся — это того, чтобы ему не помешали узнать все, что только можно, о "цветках". Стыдясь захламленной кухни, которую самка "цветка" могла при желании увидеть его глазами, Кирилл выпил недокипяченный чай и съел бутерброд с паштетом, который показался ему несвежим. Всякий раз прося мысленно извинений у "цветка", он отлежался, чтобы перелистать газету или сказать несколько слов матери. Его занимал вопрос, как самка ухитряется понимать его, говорящего по-русски, но он скоро объяснил это тем, что "цветы" должны быть культурой настолько совершенной и утонченной, чтобы понимать человеческие слова по тем мельчайшим эмоциональным оттенкам, которые сопровождают слова в любом языке, и улавливают интонации понимания и вопроса.

С удивлением Кирилл замечал, что ночь просветления, которую он провел в таком напряжении, для других проща, казалось, бесследно. Или они это от него тщательно скрывали. Ну, что ж, тем лучше, теперь вы, может быть, оставите меня в покое. Мать теперь не видела на его лице выражения недоумения или вопроса и вообще находила, что он выглядит хорошо, хотя и несколько утомленно. Она постаралась не раздражать его разговорами и ушла из кухни. Кирилл скорчился от напряжения и вновь увидел "цветы". Теперь уже самец, белесая борода которого мягко колыхалась в движении, стремительно передвигался, а грациозная самка шла сзади. Кирилл увидел, как вокруг большого самца сгруппировались незнакомые ему существа меньших размеров, более темной окраски, менее красивые. Это были либо их порождения, либо несколько иные

существа, во всем подчиняющиеся главному самцу и неспособные существовать самостоятельно, без направляющего руководства большого самца. Сколько было этих существ, Кирилл не смог определить, и решил, что и сейчас они разбросаны по космосу, но живут, ориентируясь на самца. Его гипнотическая энергия давала им направленные движения, ставила цели, которые они должны были преследовать. Для каждого из них эта деятельность была непостижимой и бессмысленной, и каждый из них ни за что не решился бы на самостоятельное существование, потому что тогда жизнь поставила бы задачи, решить которые им было и страшно и невозможно. Главный же самец наблюдал через их сознание все, что его интересовало и сам принимал решения, недоступные их уму. За эти решения отвечал один самец, но у "цветков" и мысль не могла возникнуть о его неправоте.

Кирилл смотрел на непонятные движения самца, но вскоре понял, что речь идет о том, что их существование обнаружено на Земле. И, как мыслил самец, существа, их обнаружившие, должны погибнуть. Это удивило Кирилла и совсем не испугало. Его не оставило ощущение своей духовной мощи, способности превзойти "цветы" именно в той области, в которой заключалось их прошлое могущество. Потому что оно состояло не только в способности проникать на расстоянии в духовную сферу любого живого существа и воспринимать его внутреннюю жизнь. Открытие Кирилла состояло в другом, и он только сейчас понял всю важность его открытия. Все дело в том, что цветы оказывали гипнотическое воздействие на людей, попадавших в поле их восприятия. Они расшатывали сознание, они толкали на ошибки, вызвали катастрофы, они упорно оказывали давление на все радостные проявления жизни в сознании каждого

человека и всего человечества, о существовании которого на Земле они отлично знали. Цели их были очень просты — уничтожение человеческой жизни и население освобожденных пространств. Не имея возможности уничтожить людей физически, они добивались этого суровыми средствами: дробя и подчиняя себе сознание человечества. Как давно? Может быть, на протяжении всей человеческой истории. И не есть ли, если это верно, вся история человечества — история неосознанной борьбы со внешним давлением, угнетением, история подспудного стремления человечества освободиться от этого угнетающего влияния? И не "цветы" ли виноваты в том, что человечество, само того не сознавая, стояло на грани ядерной катастрофы, которая лишь теперь, когда оно получило защиту в виде сознания Кирилла, становится не столь реальной? Только тогда он понял, что "цветы" уже почти подготовили человечество психологически к катастрофе и только его вмешательство выявило, хотя и не прекратило их гипнотическое воздействие, которое должно было вызвать ядерную войну в несколько ближайших дней. Чем еще, кроме постороннего вмешательства, можно здраво объяснить тот факт, что человечество, еще далеко не исчерпав возможностей расселения и устройства жизни на Земле, сознательно идет навстречу своей гибели? Откуда эта ненависть к себе подобным, эта тяга к убийству? Не есть ли это отражение, бессознательное повторение психологических основ общества "цветов", которое существует единственно на бесприкословном централизме внутри общества, и органической неприязни и агрессивности по отношению к любым другим проявлениям жизни вне их общества. И не следует ли людям отбросить свои, все-таки земные не посторонние, мотивы для ненависти друг к дру-

гу перед лицом очевидной опасности, разве?

Кирилл вышел во двор, встретивший его мягким ветерком, свежестью и, если поднять глаза выше желтых стен, расплывшимися на неярком небе облаками с дымными краями. Он еще не знал, куда идти, когда, обогнув штабеля дров, вступил во влажную тень от ворот и чуть не понал в лужу на месте кем-то выбитых булыжников. Он вышел на улицу, как всегда показавшаяся ему новой и необыкновенной. Все вокруг закипало и, точно творилось заново. Перейдя поближе к воде и на минуту усомнившись в том, что он выглядит достаточно прилично, Кирилл одернул пиджак так, что воротник его лег выше рубашки, еще чистой, на слегка заросшую уже сзади шею. Неловкий и неопрятный, сияя, промчался самоствал, задел край лужи в переулке и подпрыгивая на жестких рессорах, унесся, освобождая Киришу дорогу. На набережной Мойки две старухи владели навстречу друг другу тяготы бессильной старости и бедности. Мойка выгибала спину в сторону Дворцовой площади и потом прямоком устремлялась мимо однообразных высоких домов к Невскому проспекту, под мост, где запах гнили, плеск и глухой шумок проезжающих тяжелых автобусов. Кирилл казался себе необыкновенно ловким. Одну руку он держал в кармане, где был мягкий комочек носового платка, другая решительно уходила за спину с каждым шагом по тяжелым, плохо подогнанным плитам набережной. Он сыркнул с гранита, обонел влажную грязь просыхающей лужи и взглянул через перила набережной на спуск к воде, стенки которого были вымачиваны мазутом еще с тех времен, когда вода заливала его и поднималась по его широким ступеням. Вне связей между собой, лишенные каких-либо соответствий, повсюду мелькали люди: дети бросали тяжелые,

пачкающие руки бульжники, которые глухо булькнув, опускались на шистое дно рядом с проржавленным остовом кровати, женщина в кофте с короткими рукавами стояла на подоконнике второго этажа и макала тяжелую тряпку в ведро с горячей водой, от которого бежала грязная струйка и лилась на краешки пола, под батареею парового отопления. Две девушки перебежали мост, а еще одна, некрасивая, прогуливалась по противоположной стороне с серой собакой, кто-то исчезал в дверях парадной, кто-то нес бидон с молоком. Кирилин оборачивался, вглядывался в людей, спотыкаясь и, стараясь привести все, что видел в общее соответствие. Он остановился у окна маленького магазина и на минуту забылся, потом вспомнил, что остановился, чтобы завязать шнурок на туфле. Он отметил, что туфли изрядно заплылись, но это не означало, что он устал или прошел слишком много. И он продолжал идти, все время спорачивая и меняя направление, глядя на фасады домов и ни на минуту не ослабляя своей сосредоточенности. Никто из тех, кто встречался ему на пути или обгонял его, никто из них не видел на лице Кирилина того, что было внутри. Мысль о том, что все тяготы в его жизни можно объяснить внушением "цветов" продолжала его водновать. Только сейчас, постепенно ему становилось видно все значение его открытия и его собственная роль в предстоящем спасении человечества. Хотя он всю жизнь мечтал о том, чтобы своими деяниями вызвать благодарность людей, все же миссия единственного и всемогучего благодетеля казалась ему неестественной и тягостной. Но в то же время он понимал, на какую высоту поднимает его совершенное открытие, какие почести ждут его в самом ближайшем будущем и внутренне ликовал. Но стоял пасмурный денек и стена за его спиной

была сумрачна и гола, и ни один прохожий не остановил взгляда на Кирилле. Наморщив лоб от напряжения, он пытался внушить самцу "цветов" соответствующий человеческой природе принцип равномерности всякой жизни самой по себе, доказывая, что существование людей отнюдь не предполагает гибели "цветов", что человечество не будет чувствовать к ним ни малейшей враждебности и что польза от общения будет обоюдной. На минуту самец, казалось, успокаивался, но спустя недолгое время вновь напрягал мускулы и развевал ими, выдавая этим свои враждебные намерения и еще больше приходил в неистовство от того, что не мог скрыть свою агрессивность. Так Кирилл понял, что "цветы" — давние враги человечества и что в этом была их физиологическая сущность, что общество "цветов", будучи благостно внутри себя, питает непреодолимую враждебность ко всему, что существует вне его или иначе. Впервые Кирилл подумал, что свойство терпимости к другим проявлениям жизни есть высший человеческий принцип, которого люди, впрочем, не всегда придерживаются. Понял он и то, что "цветы" никогда не примут этот принцип, и не потому, что они считают его неправильным, а просто по своей физиологической сути и по всей организации всеобщего подчинения. Кирилл решил вступить в борьбу с самцом, как началом всей "цветковой" цивилизации, хотя это и нарушало основы чувства терпимости. Человеческая этика включает в себя и агрессивность, она есть как бы промежуточная ступень между принципом полного принятия иной жизни и "цветковой" замкнутостью. Но в отношениях с низкой цивилизацией надо принимать методы этой низкой, если нельзя заставить ее руководствоваться высшими принципами.

Кирилл сжимал пальцами веки и, наклонившись, без труда

вновь видел самца и, только краем задевая поле его зрения, разбегались черные с красными и синими огоньками существа, по форме напоминавшие жбаны с водой. Какая ответственность лежала теперь на Кирилле! Его поразила мысль, что пока он был отвлечен собственной жизнью, "цветы" что-то стали предпринимать для уничтожения людей, в той мере, в которой они были способны на это. Возможно, они стали передвигаться в космосе по направлению к Земле, стремясь усилить свое гипнотическое воздействие, вызывая у людей страх, подозрительность, раздражение, укрепляя принятые под их воздействием решения на убийства, на выявление всех импульсов жестокости и зверства. Их принципом было разделять нечто цельное на противоположности и затем резко сталкивать их, вызывая при этом взрыв противоречий, войну, ненависть, и наполняя обе враждующие стороны уверенностью в необходимости осмысленных убийств и собственной гибели. Они находили слабые звенья в общественном сознании человечества и, найдя их, усиливали свой омурачающий гипнотизм. Больше всего Кирилл боялся, что "цветам" удастся в ближайшие часы и дни столкнуть две главные противоположности, которые им ценой длительных и напряженных усилий удалось выявить в чистом виде - Восток и Запад. Но при этом Кирилл сознавал, что та система, через которую они нагнетали напряженность, нарушена присутствием его сознания, его внутреннего ока в сфере влияния "цветов" и это не позволит им вызвать катастрофу.

Он остановился перед газетным листом на улице и некоторое время его разглядывал. Он прочитал три небольшие статьи, вернее сказать, внимательно просмотрел типографские значки на сыром бумажном поле, но ни на секунду его сознание

не отвлекалось на чтение. Он уже не помнил, как сюда попал, на чужую улицу, с остовом дома, огороженного деревянным забором, оббитым четырехугольными щанками-украшениями, в стиге ашир. Газета на ните слегка надувалась пузырьком, из ворот вышла дворничиха и остановилась, оглядываясь в подворотню. На встречу шел Сама, еще не заметив Кирилла и хмурия лоб. Он приближался, словно сама прошедшая жизнь Кирилла, ушедшая сейчас далеко и, быть может, безвозвратно. Кириллу стало музительно неловко за себя, за то, что он не знал, о чем ему говорить с Самой, и он счел бы за благо сейчас спрятаться или отвернуться. Большую уверенность ему придало то, что он и сам не понимал, что занесло Саму сюда, одного, без портфеля, и то, что он тоже, казалось, погружен в себя. А Сама понял, что идут они оба без определенных целей, если не считать, конечно, что сам он шел с твердым планом - составить себе представление об архитектуре этой части города, и вообще всю жизнь был чем-то занят.

- Ты как же здесь оказался? - Он спросил это так, словно пребывание здесь его самого было вполне естественным, и вызвал у Кирилла кривую улыбку.

- А, да так, ты это позже узнаешь. - Не мог же он сказать, что пришел сюда, чтобы вести переговоры с космическими существами, а выдумывать историю о том, что здесь за углом живет знакомая девушка, не было ни малейшей возможности, потому что все внимание было направлено на то, чтобы не упустить поползновений самца, который теперь, как прожектор, испускал какую-то непонятную энергию и весь колебался в своем растворе, напоминающем желтоватый бульон. Дока Кирилла и Сама дошли до перекрестка, Кирилл понял, что все окружающие питают

к нему непреодолимую неприязнь под воздействием гипноза "цветов" и им внушается мысль о необходимости убить Кирилла. Он только немного поблелел, когда это понял, но ни на минуту не потерял самообладания. И Сана, который сейчас что-то тихо и задумчиво говорил, явно был искушаем к этому же. И, что особенно оскорбило Кирилла, не делал ни малейшей попытки освободиться от чувства враждебности к нему. Теперь Кирилл понял, что связь между людьми, которую он еще недавно не мог уловить, существует и направляется "цветами"; прежде всего против Кирилла, которого они считают своим главным врагом. Он понял, что теперь ему предстоит жить в черном кольце враждебности. Они сели на большую, белую, тяжелую скамью и спугнули стаю воробьев, купающихся в пыли, таких же серых, как и пыль на дорожке сада. Сана смотрел на собственные ботинки.

- Как ты живешь последнее время?

- Сразу не расскажешь. Жил плохо, теперь будет веселее, я думаю. Самое главное — докопаться до причины неприятностей. Я имею в виду не учебные неприятности и не денежные, и с ними жить хорошо. Но не казалось ли тебе, что мы часто неудачливы, несчастны по причинам, от нас не зависящим, по вине самой нашей природы?

Сана ответил:

- Думаю, природа тут не причем. Все зависит от обстоятельств, в которых мы находимся.

- Разумеется, но эти обстоятельства лежат в области общей жизни, а это тоже природа. Тебе не кажется, что это можно объяснить довольно просто?

- Ты хочешь сказать, что мы сами в этом виноваты?

- Вся твоя славянская душа в этих словах. Не мы сами, но наша природа или природа вне нас. Я думаю, что надо открыть одну общую причину и хотя бы осмыслить ее.

- Ты уходишь куда-то в область метафизики. Я этого не понимаю. Я думаю, что в любом несчастье виноват либо я сам, либо кто-то другой. В первом случае справедливость рано или поздно восторжествует, потому что это вопрос моей совести. Во втором — она может дать крен на один бок, а то и совсем покосится. Мне кажется, что объективной справедливости вообще нет.

- Верно. Меня интересует вопрос, почему? Если человеческая природа этого требует, и ничто нечеловеческое этому не мешает, то почему бы ей не существовать?

Саша закинул руку за спину скамейки:

- Ну, ты, кажется, уже все вопросы решил. У меня все сложнее. Я склонен искать причины несчастья в другом человеке. Я к нему имею большие претензии. Может быть, выступишь в его защиту?

- Это опять-таки внутреннее несовершенство, либо внешнее влияние. Но почему человек должен быть несовершенен? Какой в этом смысл? Раз мы живем, и нас много, у нас должна быть общая радость, которая оправдала бы жизнь, а если мы несчастливы, то зачем мы живем? Ради какого-то злого божества? У меня на этот счет есть свои наблюдения. Я тебе их изложу, когда они станут для меня более ясны. А сейчас побегу по важному делу.

Кирилл встал и они пожали друг другу руки. Его почти был озноб от собственной скромности.

х х х
х

У Сами было свойство, из-за которого он почти всегда находился в состоянии недовольства собой— он все время ставил себе невыполнимые задачи. Когда одна из задач не решалась, он впадал в уныние и безнадежность. Но после минутной усталости наступало обновление, и у него в груди просыпался родник радости и надежды, и тогда он ставил перед собой новую задачу, не менее сложную. К этому его толкало легкое опьянение радостью, которое он в эти минуты переживал. Его жизнь складывалась из более или менее существенных удач, неудач и неистребимого оптимизма. И все же редко, может быть раз в год, на определенном рубеже он устраивал себе большую ревизию и с усталой трезвостью видел, что предполагаемое и намеченное не осуществлено. Это были тяжелые дни, когда он выбивался из обычной колеи, отчаянно перечеркивал все, что было достигнуто раньше, и, предвизи новое возрождение, с некоторой необоснованностью думал, что он изменился за последнее время и что все с завтрашнего дня все пойдет иначе. Главной же его целью было также полно чувствовать молодость, так же как чувствовали ее другие, а это было ему известно из литературы. Если говорить грубо, то он хотел бы тоже писать что-то, что было бы не менее интересно и привлекательно, чем то, что он читал. По литературе у него сложилось совершенно определенное представление о радостной и трагической наполненности человеческого существования. Почти бессознательно он примерял ее к собственной жизни, но ни в тоске, ни в отчаянии не мог преодолеть скучного, однообразного ее течения.

Прежде всего, его поражали своей ущербностью вещи вокруг него: своды коридора, скамьи под желтоватыми лампочками, сваленные в углу стулья— все это ему казалось поучему-то недостаточным для полного переживания, а его собственная личность, затерявшаяся в безысходной тоске пустого коридорного пространства— жалкой и загнанной. В такие минуты он сомневался в своем призвании, в возможности личного счастья, в том, что он когда-нибудь еще будет получать удовольствие от жизни. Но позже, когда он воображал себе завтрашний день, он опять казался ему интересным и экзотичным, и опять реальность вначале манила, а потом разочаровывала и не удовлетворяла. Некому было вести статистику этих всплесков, но с каждым месяцем, годом они ощущались слабее и успокоительней. Но вновь и вновь, лежа ночью в постели, или спеша к автобусу, он заставлял себя поверить, что на самом деле жизнь полна, по крайней мере в свои главные моменты и только обходит его стороной. Точно так же он относился и к женщинам: ему казалось, что настоящие женщины не попадутся на его пути и не знал, что его требования к ним нереальны.

Он долго добирался до остановки автобуса, который, равномерно раскачиваясь на неровностях асфальта, нес его через город мимо белесо светящихся витрин продовольственных магазинов, мимо занавешенных окон ресторанов, мимо вечерней толпы, все время возникающей и пропадающей позади, к Неве, через нее, дальше, в пустынность Первой линии, в оживление Большого проспекта, где желтоватой пеленой распускались листья на деревьях, и где как раз такая матовость в освещении, когда половина девушек кажутся затаившим в полутьме очарование и тайну. Сама вышел на одну остановку раньше,

чем обычно: он вспомнил, что дома, в общежитии нет ни хлеба, ни какой-либо другой еды, кроме борща, который он сварил три дня назад и который был уже несвежим. В булочной было светло и пустынно, и деньги позволяли купить еще и Выборгскую сдобу, которую он любил есть с чаем. После непродолжительного топтания у кассы, где он отказался от лотерейного билета и получил шестьдесят пять копеек сдачи, можно было уже идти дальше, но нужно было еще вернуться назад, чтобы посмотреть, что идет завтра вечером в "Совете" и, если есть, купить пельмени. Их ему продала продавщица с сонными распухшими глазами и маленькими руками. В рассеянности Саша прошелся вдоль прилавков, разглядывая без определенной цели полукопченые колбасы, и вышел опять на улицу. Поскорее вернуться домой и все обдумать, отдыхая на кровати, головой на рыхлой подушке. Но надо еще свернуть налево и зайти на почту, нет ли писем. И его тяга к дому все не могла осуществиться, и это вызвало в нем чувство усталого раздражения. Какая уж тут полная жизнь, если все слоняешься по таким местам, где жизнь твоя находит простейшее выражение: прийти, отдать деньги, взять что-то взамен и уйти, держа в руках еще одну улику однообразия жизни — вчерашний батон и коробку с "русскими пельменями". Но нельзя не заметить, что все становится яснее, когда появляется заманчивая, бодрящая цель: ну, хотя бы, сварить пельмени и выпить на закуску чай со сгущенным молоком.

Всякий раз после того, как с писком и сирежетом закрывались за ним двери общежития, жизнь входила в давным давно установленные рамки, в которых день мог длиться столько же, как и три дня, неделя или месяц от стипендии до стипендии.

Сама не относилась к разряду бодрых шутников и актеров, которые обязательно появляются в студенческой компании, к разряду людей, в тайне утомленных своей бодростью и веселостью, находивших самих себя только перед сном в темноте, жалующься и отряхивая с себя фальш ежедневной роли. Сама всегда стремилась быть естественным с самим собой и предпочитал холодное сознание скуки и однообразия будней отчаянному визову, на который пускаются вечные остроумцы и оригиналы, люди совсем слабые и беззащитные, если понаблюдать за ними долгое время.

Он не обратил особого внимания на девушек с закрученными, натянутыми на висках волосами, хотя одна из них была в облегающих синих брюках, и уже мысленно войдя в обычную колею, двинулся по коридору налево, минуя застоявшиеся залы кухни, к лестнице наверх. Он поднялся наверх, стараясь не наступать на каждую третью ступеньку и поздоровавшись со знакомыми в необходимом тоне: весело, тихо, сосредоточенно, небрежно, серьезно, но всегда уважительно. Размышляя о том, почему нет писем из дома, он вошел в 65 комнату, на двери которой были написаны неумелой рукой коменданта четыре фамилии, хотя жили в ней только трое. За квадратным, обитым голубым пластиком обеденным столом сидел, обложившись книгами, инвалид Коля и чуть поднял глаза над учебником. С выражением озабоченности и углубленности на лице Сама переоделся, взглянул на полку и обнаружил, что сгущенное молоко уже вылито, что тотчас подтвердил Коля, добавив, что за ним оно не пропадет.

Через полчаса, сладостно переваривая пельмени и выборгскую слобу, Сама взглянул на часы и прилег на кровать, растормошив и взбодрив предварительно свою рыхлую подушку. Его потянуло в сон, но он боялся этого достаточно естественного

состояния, потому что малейшие послабления в этом деле вели к ужасающей потере времени. Хотя ему не хотелось сейчас ничего, кроме как почитать для души Мериме, он старался подготовить себя к тому, чтобы встать и попытаться извлечь из себя с помощью вечной ручки с кривым пером те ощущения, которые он накапливал в себе последнее время и которые путались в его сознании с Мериме. Но он не встал и не сделал этого, потому что в комнату вошла Галя и села на край его постели.

Дальше он делал все, что, по его мнению должен был делать истинный мужчина: положил свою неприятно повлажневшую руку на пальцы Гали, приподнявшись, поправил подушку под головой и сказал что-то хриплым шепотом. Если вспомнить ~~визит~~ его дневной разговор с Кириллом, то теперь жалкое, при всей внешней бодрости лицо Гали для Саши было примером первого случая неудачи, несчастья, а именно: когда виноват он сам. Он потерял голову там, где после стрижки белела кожа и где попадались колючие обрезки волос. Уже дважды, с тем же напряженным, тревожным выражением лица она приходила к нему и сидела, почти ничего не говоря, а если говорила что-нибудь, то с выражением просьбы и мучительной неловкости. Саше было жаль ее и он упрекал себя, сам не зная в чем, хотя в глубине души был совершенно равнодушен к тому, где будет Галя и как будет она переживать свое одиночество.

Она стала приходить после недавнего неудачного вечера, на котором она была сверх меры оживлена, смотрела прямо и вызывающе, и только выражение веселья в ее глазах гасилось сумраком внутренней мрачности. Она все время подбегала к

зеркалу и осторожно приподнимала свою высокую, ежеминутно грозящую упасть на бок прическу. Вина Сами в этот вечер была, наверное, в том, что он поддался соблазну этой неловкой откровенности. Они сидели за столом рядом на продавленном в середине диване и вначале невольно, из-за тесноты, а потом все более осознанно касались друг друга и опять Галя вела себя с нервной откровенностью, выдававшей ее неопытность. Когда они выбрались из-за стола, вышли в соседнюю комнату, и дверь за ними закрылась, первый порыв друг к другу был, быть может, самым искренним и сильным, но он был и краткотечным и обманчивым. Позже, уже оставшись вдвоем, Сами уже гораздо спокойнее пытался продолжить взаимное сближение, но наткнулся на резкий, почти истеричный отказ, на непреодолимую для него стыдливость. И тогда их прикосновения становились все более неловкими и некузными, потому что оба они стали остывать. Весь вечер он с тягостью для себя выполнял функции кавалера Гали, в глазах которой появилась привычная безнадежность, и она как-будто перестала изображать веселье, но приободрилась, узнав адрес Сами и обещала прийти. Он понимал, что она действительно придет, но это никак не изменит положения, ей же будущее давало возможность еще одной попытки.

Она была здесь, и пальцы ее, широкие в суставах, теребили покрывало с голубым рисунком, все, что было рядом, и в глазах опять почти не было надежды. Она провела ладонью по волосам, приглаживая их и потом долго не знала, куда положить руку. Выход она нашла в том, что стала одергивать подол платья на коленях, которые были на виду. Преодолевая равнодушие, он положил руку ей на колено, она убрала ее,

пожав трепещущими пальцами. Сана убрал руку и холодно взглянул ей в глаза. С жесткостью, проглянувшей на лице, он сказал, что должен заниматься, она посидела еще несколько минут, отчего молчание стало совсем неловким, и, потом ушла, осторожно затворив за собой дверь со связкой гремящих ключей, а он повернулся к стене, стараясь задремать поскорее, чтобы дать выход раздражению и неловкости, которая его охватила. Он не знал, куда деться, какой найти выход чувству униженности и тоски, от которой, казалось, замерло и стало бессмысленным все: и вечерняя чернильная синева за окном, и узкий подоконник, на который в тщетной надежде найти в этом выход, кто-то навалил книги: Галкина-Федорук, Гвоздев, Гудзий "Хрестоматия по древнерусской литературе", Стендаль, Пруст, свет лампы, покрытой газетой, ставшей розовой, фотографии из журнала "Чешское фото" над постелью Коли. Может быть, в этом мудрость природы, чтобы жизнь приносила не только радость, но почему она приносит ее так мало? Так он говорил себе, в душевном порыве забывая то, что ежедневно с утра делает жизнь достойной и целеустремленной и чему человек привык не придавать значения — ежеминутной радости жизни.

х х х

Кирилл шел, в большой тревоге сжимая пальцами переносицу, и с усилием стремился уничтожить самца "цветов" или, по крайней мере, обезвредить его. Борьба состояла в том, что Кирилл вызывал перед собой изображение самца и резким усилием старался изломать и разрушить это изображение. Иногда ему казалось, что дело сделано, но ощущение грозящей опас-

ности возвращалось, и Кирилл опять корчился, удивляя прохожих, и опять изображение самца мутнело и расплывалось. Кирилл понял, что хотя он и не сумел уничтожить его на расстоянии, все-таки ослаблял его и обессиливал. Иногда ему приходила в голову мысль, что у него нет ни одного доказательства того, что "цветы" существуют, а ни один из знакомых, с кем он общался на расстоянии, никак не выдавали того, что они мвсленно слышали и говорили с Кириллом. Ясно, что это тоже происки "цветов", стремящихся уничтожить Кирилла до того, как он сообщит об их существовании людям, и устранить любые доказательства, которые он мог бы привести в подтверждение своего открытия. Это была смертельная игра. Теперь он не понимал, какие опасности ему грозят, но, обладая способностью предвидения, избегал их. Был пятый час дня, восьмой с момента, когда он ушел из дома. Он не мог себе представить, куда заведет его сознание долга и когда он опять окажется дома. Он хотел есть. Но идти сейчас домой, значит подвергать опасности не только себя, но и всю семью, да и непонятно, как он доберется до дома невредимым, когда было совершенно ясно, что против него уже организован заговор под гиллнзом "цветов". Вот идет медленным шагом навстречу человек в кожаной куртке, изборожденной морщинами ветхости. По виду — хилый, ботинки все в пыли, криво улыбается чему-то, но сторонам не смотрит. Но Кириллу-то ясно, что в левой руке у него в кармане револьвер. Но и Кирилла не просто взять: он даже манит человечка к себе, иди, иди, не бойся, а когда тот подходит вплотную, невероятно наглая улыбка залихват лицо Кирилла: "ну, что, взял?" И даже вслед ему помажет рукой: до новой встречи! Потом он смотрел на безупречно чистое, бледное не-

бо над особняками улиц Чайковского, в котором не было видно ничего, что заставило бы опасаться, что "цветы" близко.

Кирилл благостно, растроганно смотрел на уличную толпу. Жизнь этих людей лишена половины радостей под игром "цветов", все их способности и страсти загнаны в тупики сознания, и из-за этого каждый тяготится своей неполноценностью и относится к себе в глубине души пренебрежительно. Единственное, что им надо теперь делать — это осознать чуждое, угнетающее влияние "цветов" и сознательно бороться с их гипнозом. Остальное появится само по себе, естественным порядком: каждая минута жизни будет приносить людям острое, как укол, удовольствие, к старикам вернется непережитая любовь и неиспользованные таланты, и, лишенные внешних причин для ранних старости, расцветут старые девы и увядшие красавицы, успокоятся одержимые и воспламятся меланхолики. Легко понимая друг друга, и избегая доставлять неудобство посторонним, люди начнут новую жизнь под знаком освобожденной человечности. Это не было бредом, он ясно видел, как она начнется на этих стройных улицах, в горьком воздухе города, рядом, на этом же перекрестке, где ничего не подозревавший мальчик мчится в магазин за папиросами и спичками для отца, и сам Кирилл, ускользнувший от почестей, совершает вечернюю прогулку в обвлаживающих летних сумерках.

Его охватило чувство легкости и восторга, и он понял, что самец, наконец, сломлен. Перед ним опять был каскад огоньков и ощущение свежести, и он вспомнил ту ночь, первые минуты после того, как он увидел самку "цветов". Несомненно, она сознательно привлекала сейчас его внимание и тянулась к нему, убице ее мужа, не в силах существовать одна. Кирилл

подумал, что перед ним теперь единственная возможность доказать людям достоверность его открытия, и эта возможность состояла в том, чтобы заставить самку опуститься на Землю. Он остановился у афиши "Большой зал Ленинградской государственной филармонии" и, скривив лицо и напрягая лоб, старался привлечь самку к Земле. Казалось, она поняла его и послушалась. Теперь она двигалась навстречу, но каким способом она передвигалась, Кирилл не мог разобрать, потому что он воспринимал ощущения, испускаемые живыми существами, а она находилась в каком-то плоском органическом, но не живом теле.

Теперь надо было решить, как вернуться домой, потому что ноги устали, а ночевать вне дома было для Кирилла чрезмерным геройством. Он решил сделать круг по ближайшим кварталам, оставить убийц позади себя, а потом неожиданно сесть на сорок седьмой автобус и добраться до дома. Нужно как следует отдохнуть перед завтрашним днем. Говорить кому-нибудь о том, что происходит, пока не стоит. И Кирилл уехал в автобусе, в котором желтые отражения лампочек лежались поверх темных фасадов и делали их несуществующими.

х х х

Как неожиданно все это на меня обрушилось! И я не знаю, было ли мне предназначено выполнить эту миссию с рожденья /скорее всего так/, а может быть— просто теория вероятности? Во всяком случае ясно, что если бы не мое мысленное вторжение в космос, через недельку-другую мы все взлетели бы в воздух, это я понял по поведению самца, который скорее всего, прилетелся сейчас на обратной стороне Луны.

Что? Стоп. Тихо! Путаница в голове. Молчать! Добро бы, говорил кто-нибудь один, а то не голова, а испорченная телефонная станция. Иду самых ошеломляющих событий. Человек ко всему привыкает: уже двое суток я общаюсь с заклятыми врагами человечества, а все не доходит до сознания значение происходящего. Если завтра на город опустится блюдце с самкой "цветов", это ошеломит весь мир. А если не опустится? Но я буду готов и к этому: в конце концов, я не рассказал никому о том, что со мной происходит, и пока у меня не будет вещественных доказательств того, что я прав, никому по мере возможности и не скажу. А потом: милости прошу, извольте видеть! Ясно, что самка будет смертельно сопротивляться приземлению, а если сделает это, то для того, чтобы уничтожить меня. Но я уже двое суток невероятными ухищрениями ускользаю от смерти, и я верю в свою неуязвимость. Или завтра у меня будут неопровержимые доказательства правоты, или я сошел с ума. Да, но сумасшедший не может задать себе такого вопроса, а я эту возможность допускаю. Вернее, не допускаю. Ау? Поднимемся ли мы выше в горы? Это еще кто там? К черту, к черту, не мешайте мне спать! Какие там еще блюдца? Полный покой.

Начиная с четырех часов утра за открытой форточкой буйствовали воробьи. Их бессонное и однообразное чирканье вызывало ощущение, будто они недоспали и чиркают скорее по инерции, через силу, чем ради удовольствия. С этого же времени солнце начало бродить по стенам комнаты, расслоенное неровными стеклами окон. Кирилл все никак не мог оторваться от забытья, хотя краешком уха слышал воробьев, думал о постороннем, силмлся проснуться. Он был в чем-то виноват во сне, что-то ему грозило, и его мучили угрызения совести.

Он видел тяжелое, высокое здание, с мансардами под крышей, среди которых стояли уличные фонари и между ними летел пушистый легкий снег. Он испытывал детскую, робкую радость, которая омрачалась беспокойством и дурными предчувствиями. Почти просыпаясь, он искал ее причину и находил ее в разбитой им когда-то со вставленной туда лошадиной головой вазе, и в этой вазе было заключено всеобщее благополучие. Тогда мучительно тоскливо сознание, что он вызвал общее несчастье, заставляло испуганно его возвращаться в сон. Он не хотел просыпаться, но проснулся неожиданным толчком, и сознание привично и скоро побежало по путям очнувшейся памяти. Он понял, что там, ~~наши~~ что его угнетало во сне, были "цветы", взаимоотношения с которыми он в глубине души считал странными, хотя сам и не догадывался об этом.

Он оделся и никого не разбудив, выскользнул за дверь, затворив ее со стороны темной и холодной парадной. Светлая и утомленная светом, улица бодрствовала, хотя кроме дворничихи, подозрительно оглянувшейся на Кирилла, и сопровождающего ее молодого милиционера, на ней никого не было. Через несколько дней здесь не продохнуть будет от репортеров и я с неловкостью и простотой буду давать интервью, либо все лопнет, как мыльный пузырь. Как я могу доказать свою правоту? Наверное, только через осмеяние и жертву. Но после всего, что я совершил, обратно пути нет, да он мне и не нужен. Кирилл, полный тщеславия, желал сейчас всего, только не благополучного пробуждения ото сна, только не разочарования. Поэтому он, как человек с завязанными глазами, шел прямо и твердо, хотя знал, что где-то рядом — пропасть. Когда

он шел по Садовой, мимо промчался грузовик, совсем обычный грузовик, но Кирилл-то знал, что он направляется за ним. Кирилл едва успел спрятаться за угол и злорадно ухмыльнулся ему вслед. В окнах первого этажа, в парадных и на крышах домов он видел опасность. И чем дальше от дома он уходил, тем плотнее за ним замыкался круг, в который обратно не было хода.

Он почти забыл о том, что самка где-то невдалеке. Его больше волновали земные признаки ее приближения — резкая, мрачная враждебность, с которой смотрел на него каждый прохожий и все они вместе, и которая нависла над ним и душила его. Он увидел мысленным взором летящий предмет, его отчетливые контуры, и самку, которая находилась в нем. Он услышал крик тысяч птиц, сопровождавших его медленное, почти бессильное движение. Птицы взмахивали крыльями, садились на края бивуда, которые отвисали ключьями, клевали его, ссорились из-за места, целая туча их тянулась сзади... Внизу лежала тайга. Кирилл понял, что ждать решающего часа ему теперь придется не так уж долго. Важно было дотянуть до момента, когда бивуде покажется над городом. Только бы не случилось неприятностей раньше. Только бы дождаться.

Прошли три часа, он почти не помнил, как, да и не надо было ему вспоминать. Все время он возбужденно заглядывал в глаза прохожих, не находя даже простого интереса или любопытства. Он сидел впереди в почти безлюдном троллейбусе, идущем к Александро-Невской Лавре и обратно, до тех пор, пока в него не набилось человек десять наемных убийц, которые вставали, пытались выстрелить через карман, но револьверы не стреляли, и тогда они, испуганные негодья, выходили гусь-

ком на остановках под победоносными взглядами Кирилла. Но в глубине души ему было неприятно и стыдно, особенно перед пожилой толстой женщиной, которая, не сумев его убить, долго смотрела на него сочувственно и качала головой.

Блюдце скрывалось за огромной темной тучей, которую самка была еще в силах собрать, чтобы сохранить в секрете свое приближение. Радары, по-видимому, ее присутствие не отмечали. Она была надежно спрятана, пока не расправится с Кириллом и не улетит опять в космос. Только оглулительный птичий крик, который стоял в небе, мог ее выдать, но и он не долетал до земли, потому что самка летела достаточно высоко, окутанный туманом.

Кирилл видел все совершенно отчетливо и стал решать вопрос, где заставить блюдце опуститься и как это лучше сделать. С каждым шагом он порывал со своим прошлым. Он подумал о доме и ценой больших усилий видел, что там его уже ждали чужие люди, сидевшие в его комнате и не снявшие пальто— результат длительных поисков самки. Беспорядочно разъезжающие автомобили выслеживали его и только благодаря тому, что он все время менял направление, ему удавалось оставаться на свободе. От недосыпу и от волнения колени Кирилла были напряжены, его слегка знобило. Он вошел в стеклянную дверь метро и, стараясь не выделиться из обычной толпы, подошел к автомату. Он опустил туда пятнадцатикопеечную монету, и три пятака с бряцанием выпали из его недр. Отметив, что панно на стене— типичное произведение искусства "цветов"— видение, предназначенное для пользования внутри их общества, Кирилл благополучно спустился вниз.

Только когда он уже сидел в пустом вагоне, он понял, что попал в главную ловушку. Рельсы впереди были разобраны

и поезд ждала катастрофа. Но словно какая-то сила охраняла его: развив невероятную скорость, поезд проскочил разобранные рельсы и только качнулся и жестко стукнул колесами... А ведь он уже не чаял увидеть и небо над головой. Когда он вышел из пахнущего резиной метро, в воздухе падали редкие капельки дождя. Он старался преодолеть обиду на окружающих. Конечно, это тоже давление "цветов", и люди в этом, быть может, и не виноваты, но Кирилла-то знал, что такова плата за его открытия и жертвы. Не обращая внимания на дождь, Кирилла прошел наискосок по неровному, плоскому пространству Сенной площади и выбрал себе место, где он будет стоять, дожидаясь появления самки. Он знал, что не уйдет с этого места, пока не решится все. Обратного пути у него не было.

х х х

В тот день, задевая краем восточные окраины города, в небе висела лиловая, бурая по краям, синяя туча, но до города не дошла, потому что ветер изменил свое направление.

х х х

Мать Кирилла должна была торопиться, чтобы успеть его повидать сегодня же. Лучше было бы приехать к половине треть-его, потому что в приемной выстраивается очередь. Она побегала в магазин, успела купить малиновый компот, за которым пришлось постоять и который потом надо было переложить из стеклянной банки в железную кружку, иначе не примут, и еще что-то. К концу она устала, и отдохнуть ей удалось только в троллейбусе. Она тяжело спустилась на сырую, мягкую зем-

лю, сумка оттягивала ей руку. Больших трудов стоило отворить парадную дверь, открывшуюся навстречу. В конечном итоге она не опоздала и пришла без четверти три. Она боялась сюда ехать и в глубине души с надеждой думала о возможности вернуться обратно, выгрузив предварительно сумку. Она не опоздала. Без пяти три. Надо подождать.

х х х

В ванной ему дали осклизлое хозяйственное мыло и предложили пошевеливаться. Поскольку он хорошо представлял себе, что произойдет, когда самка все-таки опустится на Сенную площадь, то и теперь он вообразил себе сообщение ТАСС, заканчивающееся словами: "в настоящее время молодой ученый Кирилл Твердохлебов находится под наблюдением врачей в одной из лечебниц Ленинграда." Вытираясь, он взглянул в зеркало, поразился худобе собственного лица и выражению глаз. На пороге палаты, заставленной кроватями так, что казалось, что это одна кровать, он остановился и сказал себе что-то о тернистом пути носителя истины. Он успокоил себя тем, что теперь эти люди должны выздороветь. Ведь они, быть может, главные жертвы "цветов", люди, сознание которых изломано психическим давлением. Ему было душно, хотя форточка была открыта. Она была затянута двумя рядами металлической сетки. На юге такие сетки вешают на окна, спасаясь от мух.

Кирилл понимал, что здесь опасность не уменьшилась, а, скорее увеличилась. Его вера в собственную неуязвимость была кощунственно поколеблена. Он увидел, что в дверях палаты на него смотрят и о нем говорят. Током ударило ему в голову,

что отсюда не убежишь. И спокойствие не спасет. Их было вначале двое, потом четверо, пятеро. Они шли к нему, гуськом, передвигаясь между кроватями боком. Среди них был один с короткой стрижкой и безумными белесыми глазами. Он подошел первый. Кириши встал на кровати... Белесый подошел и положил руку Кириши на босую ногу. Кириши вырвал ногу и вскрикнул. Но их уже трое стояло у его ног. Он ударил одного ногой и закричал. Закричал так, что стало слышно во всех телеграфных агентствах мира, на Луне и повсюду. Так, что содрогнулась Солнечная система. Его тянули, валили, выкручивали руки. На него набрасывали простыни. Он освобождал одну руку, а за ней тянулись трое. На ногах его уже сидела потная женщина. Он не мог повелевать ничем, кроме головы. Сделают все, что задумали. Все, что захотят. И тогда, как собака, которую ведут вешать, еще выпрашивает что-то своим визгом, Кириши чужими губами шептал:

- Не надо. Ладно. Я согласен. Только не трогайте меня.
Мирные.
